

Янь Жань не посмел бы пропустить экстренный сбор без веской причины. Если он не явился на плац — значит, что-то случилось.

От стадиона до общежития было больше двухсот метров. Глубокая ночь. Высоко в небе замерла луна, заливая путь холодным мертвенным светом; тени бегущих кадетов — то вытягиваясь, то сжимаясь — стремительно проносились по асфальту.

Все ученики уже выстроились на плацу, поэтому Сяо Цзичун не встретил по пути ни души. В груди нарастала тревога. Янь Жань был робким и совершенно не умел давать отпор. А среди парней — вечно соревнующихся, задиристых и ещё не научившихся обуздывать свою жестокость — именно такие чаще всего становятся мишенью для издевательств.

Многие травят других, даже не отдавая себе в этом отчёта. Они не видят в своих поступках ничего дурного, а кто-то и вовсе находит это «крутым», не задумываясь, какую боль причиняет жертве. А если тот попытается высказаться, его тут же заклеят: «слабак», «нытик», «девчонка»...

О школьной травле мама Сяо Цзичуна, У Лань, говорила с сыном ещё в начальных классах.

В детский сад Сяо Цзичун ходил не в городе М, а в уезде Юньшань. Его бабушка тогда была ещё жива, а родители, разрываясь на работе, физически не могли за ним присматривать. Так он и прожил у дедушки с бабушкой до самой школы.

Когда его перевели в город, Цзичун оказался белой вороной среди местных детей. Вскоре после начала учёбы У Лань вызвали в школу: какой-то мальчишка побил её сына.

В детстве Сяо Цзичун был замкнутым ребёнком: не ладил ни с родителями, ни с одноклассниками. Получив удар, он просто сносил обиду — он не умел драться и не мог дать сдачи.

У Лань попыталась решить вопрос миром, встретившись с родителями того задиры. Но разговор не задался. Те лишь разводили руками: «Ну, это же дети, они ещё глупые, что мы можем сделать?» Они не только отказались отвечать за уже случившийся инцидент, но и прозрачно намекнули: если их чадо снова полезет в драку, они опять будут «бессильны». Мол, Сяо Цзичун получал и будет получать — смиритесь.

У Лань тогда позеленела от ярости. Они с отцом Сяо стали экономить на всём, чтобы отправить сына во Дворец пионеров на секцию ушу.

Эти занятия предназначались скорее для укрепления здоровья, а не для драк, но этого хватило, чтобы Сяо Цзичун стал сильнее сверстников. Мать дала ему чёткую установку: если

тебя обижают — бей в ответ. Детские потасовки, к счастью, обходились без серьёзных травм.

Однако У Лань понимала: сила без разума опасна. Она постоянно расспрашивала сына о конфликтах в школе, вела с ним долгие беседы о власти, силе, самоконтроле, о природе добра и зла.

Взрослым может показаться, что младшеклассник ничего в этом не смыслит, но это не так. Именно те разговоры заложили фундамент мировоззрения Сяо Цзичуна. Он слишком хорошо помнил ту бессмысленную детскую жестокость. Мать говорила, что такие дети, повзрослев и набравшись ума, возможно, раскаются, но чтобы этот ум появился, их нужно воспитывать.

Сейчас Сяо Цзичуна не заботили вопросы педагогики. Он боялся, что с Янь Жанем случилось что-то серьёзное: вдруг его заперли в туалете или толкнули на лестнице?

Цзичун взлетел на свой этаж, но в комнату не пошёл — первым делом проверил туалет. Осмотрел каждую кабинку. Пусто. Только тогда он вернулся в спальню.

В общежитии всё ещё было темно из-за отключения электричества. Лишь слабый свет из коридора падал в комнату, выхватывая кусок пространства.

В этом пятне света он и увидел Янь Жаня.

Тот сидел на корточках прямо на границе света и тени. На нём были только трусы, а в руках он судорожно сжимал штаны, пытаясь что-то с ними сделать.

Сяо Цзичун выдохнул, чувствуя, как отпускает напряжение.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он, подходя ближе.

Янь Жань вздрогнул от неожиданности:

— Почему ты вернулся? Там же сбор!

Цзичун присел рядом с ним:

— Я не увидел тебя в строю и пришёл искать. Так что случилось?

Ему самому было не по себе. Когда объявили тревогу, он первым делом вскочил, оделся и выбежал, совершенно забыв про друга. Сейчас это упущение жгло его изнутри стыдом.

Янь Жань протянул ему форменные брюки:

— Кто-то завязал штанины узлами... Причём сразу несколько. Два я уже распутал, а остальные никак не поддаются. Без формы я не могу идти на плац.

Сяо Цзичун выхватил брюки. Он попробовал развязать узлы пальцами, но те были затянуты намертво — ткань словно окаменела.

— Ладно, забудь, — вздохнул Янь Жань. — Я уже никуда не пойду. В других штанах нельзя — инструктор сразу заметит. Возвращайся лучше ты, а то попадёт.

Цзичун сверился с часами:

— Время, отведённое на сбор, давно вышло. Если я появлюсь сейчас, на меня будет пялиться весь лагерь. Смысла нет.

Янь Жань был тронут до глубины души. Бог учёбы Сяо, образцовый ученик, совершил такой проступок ради него. Но вместе с благодарностью пришла вина:

— Тебя ведь накажут из-за меня... Прости, пожалуйста.

Сяо Цзичун уже искал, чем поддеть узел, и его раздражала эта вечная готовность Янь Жаня извиняться перед всем миром.

— Прекрати извиняться! За что? Мы ведь друзья. Разве я мог поступить иначе?

У Янь Жаня затекли ноги. Он поднялся и медленно пересел на кровать.

— Никто ничего не должен, — тихо пробормотал он.

Сяо Цзичун обернулся. Ему хотелось отругать друга за мягкотелость, но он вовремя прикусил язык. Это не вина Янь Жаня. Если ругать человека за доброту, мир окончательно превратится в обитель мерзавцев.

— Должен, — отрезал Цзичун. — Раз я сказал — значит, должен.

Янь Жань промолчал, поражённый тем, как обычно рассудительный Сяо Цзичун вдруг вскипел. По напору тот сейчас напомнил ему собственную мать — она тоже любила заводиться на ровном месте.

Цзичун нашёл ручку и, используя её как рычаг, наконец-то справился с узлами. Выйдя в коридор, он внимательно осмотрел штанины при свете ламп — кроме замятин, ткань была цела.

— Держи, надевай, — он вернул брюки владельцу. — Знаешь, кто это сделал?

Янь Жань растерянно мотнул головой.

Сяо Цзичун вздохнул:

— Очевидно, это дело рук того, кто знал про ночную тревогу.

— Но откуда? Мы ведь все ни сном ни духом...

— В том-то и суть. Без экстренного сбора эта шутка лишена смысла. Ну, проснулся бы ты утром, обнаружил узлы, спокойно бы их развязал — у тебя времени вагон, ты встаёшь раньше всех. А здесь расчёт был на то, чтобы ты не успел выйти в строй.

— Ого... — Янь Жань посмотрел на друга с восхищением. Сяо Цзичун был чертовски умён. — Может, стоит сказать инструктору или учителю Хао?

Цзичун задумался.

— Нет, не стоит. Толку не будет. Они не станут обыскивать всё общежитие из-за такой мелочи. К тому же, подобные инциденты портят им показатели.

Родители обоих мальчиков были госслужащими и педагогами, и в обеих семьях такие темы обсуждались. Но если Сяо Цзичуна привлекали к дискуссиям, то Янь Жаня, наоборот, выпроваживали в комнату — «учиться» и «не отвлекаться». Родители всегда твердили ему: «Если в школе что-то случится — сразу говори нам или учителю».

В начальной школе Янь Жаня обижали. Он послушно пожаловался. В итоге обидчик перевёлся в другую школу, а учительницу, не доглядевшую за детьми, куда-то уволили. Другие дети тогда шептались: «Из-за Янь Жаня выгнали того-то и того-то», и начали его избегать. С тех пор он зарёкся жаловаться.

Слова Сяо Цзичуна о том, что рассказывать ничего не нужно, принесли ему облегчение.

Цзичун приобнял его за плечо и ободряюще похлопал:

— Но спускать это на тормозах мы не будем. Нужно найти этого умника и проучить его.

— А?

Видя растерянность на лице друга, Сяо Цзичун нахмурился:

— Да что с тобой? Вечно ты такой... неприкаянный. Будь хоть каплю жёстче.

Янь Жань послушно закивал:

— Угу.

— Оставь это мне, я его вычислю. Тот, кто решился на такое в нашей комнате, обязательно оставил следы.

Он обернулся к Янь Жаню:

— Твои штаны всегда лежат на табуретке у кровати, так?

Тот кивнул.

Сяо Цзичун подошёл к табуретке, осмотрел её, затем окинул взглядом расстановку кроватей в комнате.

— Мы спим крепко, но ты не снимаешь ремень с брюк. Если стащить штаны с табурета, пряжка обязательно звякнет. Кто-то бы да услышал. Значит, был способ приглушить звук. И ещё: чтобы завязать такие тугие узлы, нужно приложить силу, а это тоже шум. Но мы ничего не слышали.

— И как же он это сделал? — искренне не понимал Янь Жань.

Сяо Цзичун вздохнул. Как можно быть таким наивным? В этой комнате полно хитрых бездельников, у которых за эти дни мозг закипел от скуки.

— Всё просто. Ты принимаешь душ раньше всех и быстро переодеваешься в пижаму. Твои брюки уже лежат на табуретке. Кто-то из соседей мог просто положить свои штаны сверху. Потом, подменив их, он унёс твою форму к себе на кровать. Пока в комнате было шумно — все болтали, смеялись, бесились — он спокойно завязал узлы прямо под москитной сеткой. А когда свет погас, он просто вернул твою «испорченную» форму на место, забрав свою.

Янь Жань уставился на него в изумлении:

— Ради какой-то дурацкой шутки проворачивать такую схему? Я бы в жизни до такого не додумался.

— Да тут и думать нечего, — отмахнулся Сяо Цзичун. — Для кого-то это просто способ развлечься, проходя мимо.

Янь Жаню было больно слышать, как благородный и безупречный, словно нефрит, Сяо Цзичун говорит такие приземлённые вещи.

— Ясно... — протянул он.

— Итак, — продолжал Цзичун, — у нас есть портрет. Этот человек живёт рядом с твоей кроватью, чтобы подмена не вызывала подозрений. Он рано залез в постель, когда ещё было шумно. И он вставал после отбоя. Кроме того, он точно знал про сбор, раз проснулся так быстро. И наверняка он дождался моего ухода, прежде чем самому выбежать из комнаты.

Он пристально посмотрел на Янь Жаня:

— Тебе это описание никого не напоминает?

— Ты правда гений, — выдохнул Янь Жань.

— Не обо мне сейчас речь, — Сяо Цзичун не сводил с него глаз. — Думай. О твоей проблеме говорим.

Янь Жань честно попытался сосредоточиться, но мысли разбежались. Под тяжёлым взглядом друга он лишь выдавил:

— Я... я ещё подумаю.

В этот момент в коридоре раздались тяжёлые шаги. Сяо Цзичун мгновенно метнулся к двери и осторожно выглянул наружу.

<http://bllate.org/book/17500/1657755>